

DOI: 10.31696/S086919080034578-2

ДЖИХАД И ДЖИХАД: АКТУАЛЬНОСТЬ ДИСТИНКЦИИ ДЛЯ СИРИИ

© 2025

В.Н. САУТОВ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
sv@vlddoc.com

Резюме: Идеология исламистов, захвативших власть в Сирийской Арабской Республике (САР) в декабре 2024 года, анализируется в исторической ретроспективе – как отдельная стратегическая линия ближневосточного исламского радикализма, запрещенной в Российской Федерации коалиции Хайат тахрир аш-Шам (бывшая Джабхат фатх аш-Шам и Джабхат ан-нусра).

Она претерпела изменения на протяжении почти полутора десятилетий сирийского конфликта и отделилась от тех версий «джихада меча» и стратегий похода за власть, которые транслировали другие экстремисты. Возникнув изначально как тесно связанная с террористической организацией Ал-Каида (запрещена в РФ), Джабхат ан-нусра довольно быстро стала центром притяжения для сирийской вооруженной оппозиции, продвигавшим идею создания исламского сирийского государства-эмирата с суннитским большинством. Постепенное дистанцирование от связей с Ал-Каидой, вызванное проблемой международной легитимации и расширением своего влияния, и переименование организации способствовали увеличению возможностей группировки: появлялись политические и административные структуры для укрепления влияния среди населения подконтрольных территорий. Параллельно с этим шла внутренняя силовая борьба различных джихадистских группировок за власть, из которой Хайат тахрир аш-Шам вышла победителем.

В статье рассматриваются вопросы генезиса и ребрендинга группировки, эволюции ее идеологии и корректировки имплементации в ходе как вооруженной борьбы с режимом, так и взаимных конкурентных претензий на лидерство между разными акторами, характеризующимися как джихадистские.

Ключевые слова: сирийский конфликт, джихадизм, вооруженная сирийская оппозиция, мусульманские экстремистские группировки, запрещенная организация Хайат тахрир аш-Шам, Сирия, Ближний Восток

Для цитирования: Саутов В.Н. Джихад и джихад: актуальность дистинкции для Сирии. Восток (Oriens). 2025. № 2. С. 153–167. DOI: 10.31696/S086919080034578-2

THE JIHAD AND THE JIHAD: THE RELEVANCE
OF THE DISTINCTION FOR SYRIA

© 2025

Vladimir N. SAUTOV^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sv@vlddoc.com

Abstract: The ideology of the Islamists who came to power in Syria in December 2024 is analyzed in historical retrospection as a separate strategic line of Middle Eastern jihadism. This

is the line of the coalition of Hayat Tahrir al-Sham (formerly – Jabhat Fatah al-Sham and Jabhat al-Nusra), banned in the Russian Federation. It has undergone changes over the course of almost a decade and a half of the Syrian conflict, and has moved away from those versions of “jihad of the sword” and strategies for the struggle for power that were broadcast by other Islamists. First created as a branch of Al-Qaeda terrorist organization (banned in the Russian Federation), Jabhat al-Nusra soon became a center of attraction for the Syrian armed opposition, that pushed the idea of establishing an Islamic Syrian emirate with a Sunni majority. Gradual disassociation from affiliations with Al-Qaeda that was caused by the problem of international legitimization and expansion of Jabhat al-Nusra’s influence, as well as renaming of the organization expanded its capabilities: political and administrative structures emerged to strengthen influence among the population of the controlled territories. At the same time, there was an internal fight for power between various jihadist groups, from which Hayat Tahrir al-Sham came out victorious.

The issues of the genesis and rebranding of the group, evolution of its ideology and adjustment of implementation in the course of both the fight against the regime and the mutual competition for power between different groups characterized as jihadist are considered in the article.

Keywords: Syrian conflict, jihadism, armed Syrian opposition, Muslim extremist groups, banned organization Hayat Tahrir al-Sham, Syria, Middle East

For citation: Sautov V.N. The Jihad and the Jihad: The Relevance of the Distinction for Syria. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 153–167. DOI: 10.31696/S086919080034578-2

События в САР, стремительно развивавшиеся с конца ноября 2024 года, снова вывели на передний план тему джихадизма. Крах режима в этой стране вызывает множество вопросов как у политологов, так и у историков. В частности, как и почему после десятилетий упорной борьбы с воинствующим исламизмом действовавшая сирийская администрация ничего не смогла противопоставить хотя и молниеносному, но далеко не самому мощному натиску и проиграла?

Тот факт, что на продвижение по стране вдоль ключевой линии от Алеппо до Дамаска, захват сирийской столицы и свержение режима Башара Асада джихадистам понадобилось менее двух недель, обнажает несколько основных и достаточно болезненных проблем, главная из которых – рост их влияния среди мусульманского населения. Эта проблема, в свою очередь, напрямую связана с вопросом о коренной смене парадигмы исламистской пропаганды за последние годы.

Если ранее, в период борьбы с *Ад-даула ал-исламийя фи-л-Ирак ва-ш-Шам* (ДАИШ), то есть «Исламским государством в Ираке и Леванте» (ИГИЛ)¹, и другими экстремистскими группами², люди ощущали угрозу насильственного ригоризма и *такфиризма* исламистов-джихадистов, то на этот раз такая возможность, видимо, уже не выглядела для них столь пугающей. Помимо прочих очевидных причин, налицо была смена тактики идеологической обработки уммы вооруженной оппозицией.

Вовлеченность России в борьбу с исламским экстремизмом в Сирии, а также широкое участие русскоговорящих выходцев из постсоветского пространства в исламистских ор-

¹ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

² Перевод с арабского названий этих групп едва ли представляет большой интерес, поскольку это вариации, в основном связанные по смыслу с неким освобождением или завоеванием. Главное в этих названиях, по нашему мнению, указание на географическую область Шам, которая исторически означает «Великую Сирию» (но иногда используется и как синоним Дамаска). То есть, это слово в названии вооруженной группы выделяет ее из более общих или же из массы иных, различающихся по такому же географическому принципу (например, «...Аравийского полуострова», «...Магриба», «...Ирака» и т.д.).

ганизациях делают весьма актуальной тему тонкостей и изощренности пропаганды так называемого «джихада меча» – вооруженного противостояния правящему режиму под исламскими лозунгами. Многие боевики из разных отрядов, в том числе их командиры, являются уроженцами городов и деревень Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Грузии, Нагорного Карабаха, других стран и территорий СНГ.

Данное обстоятельство чревато потенциальной угрозой экспорта в Россию не только их экстремистской идеологии, но также боевого и подрывного опыта. Тем самым насущно необходимым представляется решение следующей исследовательской задачи: разобраться в различиях подходов к пропаганде джихада исламистскими группировками, для чего важно вернуться к начальному этапу сирийского конфликта и проследить цепь их зарождения и видоизменения (иными словами, их генезис и ребрендинг). В центре внимания автора оказалась не столько «грозно прозвучавшая» транснациональная ДАИШ, сколько другая запрещенная в России группировка – *Хайат тахрир аш-Шам* (ХТШ), бывшая *Джабхат фатх аш-Шам* и *Джабхат ан-нусра* (ДН)³, ведь именно она была лидирующей в событиях декабря 2024 года.

При подготовке настоящей статьи помимо открытых источников автор использовал материалы экспертных интервью и полевых исследований в регионе.

КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Оставив в стороне такие мнения о зарождении этих вооруженных исламистских структур, которые еще только ждут своих документальных доказательств, сделаем акцент на фактах. Важнейший из них сводится к тому, что кузницей кадров боевиков-джихадистов для Сирии стал постсаддамовский Ирак, где уже давно действовала террористическая *Ал-Каида* (АК)⁴, состоявшая преимущественно из суннитов [Степанова, 2020, с. 38–40]. Его оккупация американцами не только радикализовала исламистов, но и предоставила им полигон для отработки военных, в том числе специальных навыков. Одновременно в целях транспортировки и хранения оружия, боеприпасов и прочего подбирались места в т.н. «серых зонах».

Национальный и конфессиональный факторы сегментации иракского общества уже использовались американцами, например, в 1991 году для провоцирования восстаний шиитов на юге и курдов на севере. Автор имел возможность воочию наблюдать те тревожные события, находясь тогда в Ираке на дипломатической службе. Крутое изменение внутреннего баланса после свержения Саддама Хусейна породило целую волну радикализации в среде иракских суннитов, опасавшихся шийтизации государственной власти и в связи с этим пыгавшихся противостоять резкому уклону религиозной, экономической и внешней политики новой администрации в пользу США.

В САР же многие десятилетия действовали в качестве авангарда религиозной оппозиции режиму местные *Ал-ихван ал-муслимун*, или «Братья-мусульмане» (БМ)⁵ [Ахмедов, 2018, с. 107–111; Саутов, 2019, с. 149–162]. Но они в большинстве своем – после кратковременного возврата в первой половине 2000-х годов – вновь были вытеснены властями за пределы национальной территории. Основной ударной силой исламистов в сирийском конфликте являлись суннитские рекруты, экипированные и получившие опыт вооруженной борьбы в Ираке, Афганистане, а затем в Турции. Впрочем, за почти 14 лет с момента возникновения конфликта в САР диспозиция в

³ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

лагере джихадистов существенно менялась, и роль БМ в событиях ноября-декабря 2024 года, на наш взгляд, остается недооцененной.

После того, как в стране с весны 2011 года стала складываться вооруженная оппозиция режиму Башара Асада, из Ирака начали возвращаться сирийские боевики, в том числе действовавшие в рамках нового альянса – «Ал-Каида в Ираке – Исламское государство в Ираке» (АКИ-ИГИ). На первом этапе ДН представляла собой своего рода «сирийский корпус» ИГИ, сформированный засланными в САР эмиссарами во главе с куратором АКИ-ИГИ по провинции Найнава Абу Мухаммадом ал-Джулани (прозванным так по названию Голанских высот – по-арабски, ал-Джулан)⁶.

По имеющейся информации, ДН была создана в Сирии в начале 2012 года (полное название – *Джабхат ан-нусра ли-ахл аш-Шам мин муджахиди аш-Шам фи сахат ал-джихад*, «Фронт победы народа Леванта (силами) левантийских моджахедов на пути джихада»). К концу 2012 года она, связанная с АК, превратилась в мощную организацию, цементируемую жесткой исламистской идеологией. В ее рядах насчитывалось уже более 5 тысяч боевиков. При этом ДН отвергла указание лидера ИГИ Абу Бакра ал-Багдади от 8 апреля 2013 года о слиянии обеих группировок в «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ) (см.: [Кузнецов, 2024, с. 388–390]), а ал-Джулани отказался возобновить присягу ал-Багдади, но подтвердил верность лидеру АК Айману аз-Завахири, что спровоцировало напряжение в отношениях между ДН и ИГИЛ (см.: [Гасымов, 2015]).

На начальной стадии ДН проводила резонансные операции в крупных городах (в первую очередь в Дамаске и Алеппо) против правительственных объектов, чего до этого не осмеливались делать многие группировки. Отряды ДН, укрепившись в западных и восточных районах Алеппо, захватили ряд военных объектов, прежде всего склады с вооружением и бронетехникой, под их контролем оказались дорожные магистрали, ведущие к турецкой границе [Васильев, 2017(1), с. 7]. Данное обстоятельство вынудило аналогичные враждебные президенту Башару Асаду силы налаживать отношения и координировать с ней свои действия. Вскоре ДН превратилась в ориентир и центр притяжения для большинства сирийских вооруженных оппозиционеров, а также иностранных наемников, которые отвергали идею светского национального арабского государства, отстаивая принцип жизни сирийского общества с его подавляющим суннитским большинством исключительно по нормам мусульманского права [Матвеев, 2020, с. 169].

В схватке с режимом ДН активно использовала стратегию уличной повстанческой борьбы, устанавливая контроль над районами крупных населенных пунктов для проведения оттуда атак на правительственные и гражданские объекты [Крылов, 2016, с. 30–31]. В операциях широко применялись заминированные автомобили и смертники-шахиды. Вследствие этого к руководству ДН стали обращаться командиры других отрядов с просьбами предоставить смертников, чьи самоподрывы порой меняли положение на фронте и оказывали на противника деморализующий эффект. Взамен ДН требовала часть военных трофеев. Осуществлявшиеся акции записывались на видео и распространялись через Интернет в качестве пропагандистского материала.

⁶ Считается, что его отец – выходец с Голан (ал-Джулан) – политический активист и специалист в области нефтедобычи, пострадавший от сирийских властей и вынужденный эмигрировать вначале в Ирак, а затем в 1970-е годы в Саудовскую Аравию. В отношении биографии самого ал-Джулани точной информации нет. Однако общепринятым считается, что его настоящее имя – Ахмад Хусейн аш-Шар'а, 1982 г.р., уроженец Эр-Рияда, в Сирии проживал с 1989 года. Но по некоторым другим данным, год его рождения может колебаться от 1974 до 1982, называлось также имя Усама ал-'Абси ал-Вахиди и предполагалось, что он уроженец квартала аш-Шахил в Дейр-эз-Зоре, а образование получил на медицинском факультете Дамасского университета.

В этот период руководством ДН были определены приоритетные цели, на достижении которых в Сирии концентрировались главные усилия в кратко- и среднесрочной перспективе. Среди них:

- преобразование ДН в организацию, объединяющую активно действующие джихадистские силы;
- продвижение и развитие концепции религиозной сущности сирийского конфликта – борьбы «за исламские ценности»;
- выработка и реализация мер по расширению боевых возможностей посредством захвата оружия и вербовки новобранцев;
- подготовка основ для создания исламского сирийского государства-эмирата;
- установление во всем Леванте (области аш-Шам) исламского халифата.

Структура этой группировки варьировалась с учетом специфики складывавшейся ситуации в районах ее действия. Так, в Дамаске использовались методы городской герильи – здесь организация делилась на ячейки в целях снизить риски обнаружения. В Алеппо подобные боевые единицы формировались по образцу вооруженных сил: взводы, роты, полки и бригады, которые совместно воевали против частей регулярной сирийской армии.

Соответствующим образом избиралась и тактика вооруженной борьбы. Так, в районах, контролируемых правительством САР, осуществлялись акции (теракты и диверсии) на уровне ячеек, которые в случае успеха трансформировались в более крупные единицы – взводы. В дальнейшем (при увеличении численного состава и достижении первоначальных целей) создавались «оперативные подразделения» для подготовки и реализации военных действий в более значимых зонах влияния. Подобная эволюция влекла за собой и расширение боевых возможностей привлеченных сил вплоть до задействования тяжелых видов вооружения и комплексов ПВО.

Операции ДН, как правило, имели две категории: *амния* (безопасность) и *аскария* (военная). В частности, мероприятия по безопасности проводились в основном в больших населенных пунктах, а военные – в местностях, освобождаемых от центральных властей. Они различались не только по внутреннему содержанию, но и по количеству используемых ресурсов. Непосредственно перед атакой в районе создавалась «структура безопасности» с целью достижения наибольшего результата и снижения потерь среди личного состава. Руководители таких ячеек поддерживали постоянный контакт с командирами боевых отрядов (своего рода градация на спецслужбы и армейские формирования).

В ДН существовала своеобразная иерархическая вертикаль наподобие религиозной организации, со своим главой и консультативным советом (*Маджлис аш-шура*), которые и принимали все основные решения. В то же время ДН, как и многие одноотипные джихадистские структуры, испытывала дефицит признанных мусульманских авторитетов, способных доводить соответствующим образом обращения верхушки ДН до верующих. В связи с этим вынужденно приглашались имамы из других арабских государств. Консультативный совет возглавлял «всеобщий судья» (*ал-кади ал-'ам*). Известно имя одного из них, это некто Мусаб ал-Кахтани, саудовец по происхождению. Здесь важно отметить, что наличие несирийских элементов в духовно-правовом руководстве ДН, судя по всему, не способствовало росту ее популярности.

ДН КАК ОСНОВА КОАЛИЦИИ

При проведении отдельных операций ДН, как правило, стремилась координировать их с дружественными исламистскими группировками, например, *Сукур аш-Шам*, а также с

военным крылом зарубежной политической оппозиции Сирии, так называемой «Свободной сирийской армией» (ССА) [Васильев, 2017(1), с. 8]. Со своей стороны враждебные Башару Асаду блоки, находящиеся на закордонных территориях, также установили контакты с ДН и, несмотря на все издержки, избегали их прекращения, опасаясь потерять поддержку внутри, поскольку разрыв отношений с ней неизбежно расценивался бы сирийскими антирежимными элементами как защита интересов Запада в САР. В частности, лидеры «Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Сирии» (НКОРС) [*МИД РФ: базирующаяся в Катаре*, 2015] проявляли высокую осторожность в своих заявлениях относительно ДН, будучи заинтересованными во взаимодействии с ССА на местах.

Внесение ООН и Вашингтоном ДН в список террористических организаций (еще в конце 2012 года) поставило ее вне закона, затруднило оказание ей военной и финансовой помощи странами западной коалиции, возглавляемой США. Однако указанная поддержка продолжала поступать негласным путем через Турцию, Саудовскую Аравию и другие монархии Персидского Залива (см.: [Васильев, 2017(2)]). Руководство ДН, понимая, что положение «вне закона» угрожало группировке нанесением по ней ударов, стало принимать меры для выхода из сложившейся ситуации. В частности, ал-Джулани при содействии турецких спецслужб удалось достичь договоренности с джихадистскими объединениями, действовавшими в районе Идлиба, о координации борьбы с асадовским режимом и формировании в этих целях боевого альянса. 24 марта 2015 года было объявлено о создании коалиции *Джейш ал-фатх* (ДФ, «Армия завоевания») [Егоров и др., 2016]. В ее составе, по расчетам ал-Джулани, и должна была скрываться *Джабхат ан-нусра*. Основным ее ядром, помимо ДН, стали исламистские группировки *Харакат ахрар аш-Шам ал-исламийя*, или просто *Ахрар аш-Шам* (салафитского толка), и менее масштабные: *Лива ат-таухид*, *Джейш ал-ислам*, *Ансар аш-Шам*, *Файлак аш-Шам* (связанная с БМ), *Джунд ал-Акса*, *Харакат Нур-ад-Дин аз-Зинги* (создана из боевиков БМ и поддерживалась западными странами), *Лива ал-хакк* (личный состав в основном был представлен выходцами из Хомса) и *Джейш ас-сунна*.

Части ДФ многопланово поддерживались иностранными государствами, такими как Катар, Саудовская Аравия и Турция, соперничавшими за контроль над сирийской политической и исламистской оппозицией. Формально ДФ не имела лидера, и решения принимались консультативным органом, собранием (*аш-шура*), что фактически зависело от позиции двух ее наиболее влиятельных крыльев – *Джабхат ан-нусра* (лидер – Абу Мухаммад ал-Джулани) и *Ахрар аш-Шам* (лидер – Хашим аш-Шейх, псевдоним Абу Джабер). В рядах коалиции насчитывалось около 30 тыс. боевиков. Характерно, что у ДФ отсутствовала общая политическая программа (хотя многие из ее отрядов таковые имели), поскольку она признавалась боевым, а не политическим альянсом. Созданный военный союз представлял собой скоординированную структуру, не ставившую своей задачей слияние входящих в нее группировок и формирований в монолитную организацию. Цель ДФ заключалась в консолидации тактических возможностей, борющихся против режима Башара Асада сил в сирийской провинции Идлиб. Уже в конце апреля 2015 года ДФ смогла захватить город Джиср аш-Шугур, а 9 сентября того же года – военный аэропорт Абу аз-Зухур и установить свой контроль практически над всей Идлибской зоной. Подобные успехи способствовали привлечению в ее ряды иностранных наемников, проводивших операции непосредственно в САР [Крылов, 2016, с. 31].

Особая обеспокоенность России указанной коалицией объяснялась тем, что в конце сентября 2015 года в нее вошли *Джунд аш-Шам*, состоявшая в основном из граждан республик бывшего СССР, и батальон *Имам Бухари*, сформированный главным образом за счет выходцев из среднеазиатских государств. Кроме того, с группировками ДФ активно

сотрудничали халифатисты из «Исламской партии Туркестана»⁷ (*Хизб ал-ислам ли-т-Туркистан*; большинство личного состава – уйгуры), аффилированной с АК и создавшей свое крупное (несколько тысяч стволов) подразделение специально для САР. Боевые операции ВКС ВС России на сирийской территории, начавшиеся в сентябре 2015 года, а также заключенное 15 июля 2016 года российско-американское соглашение о военном взаимодействии в борьбе с местными джихадистами, явились определяющими в дальнейшей трансформации и будущем переименовании ДН [*Foreign Minister*, 2016].

Очередным шагом в этом направлении стало заявление 28 июля 2016 года лидера ДН ал-Джулани (после согласования с лидером АК Айманом аз-Завахири) о разрыве ДН связей с АК. Сообщалось о решении прекратить действовать под именем *Джабхат ан-нусра* и создать новую структуру – *Джабхат фатх аш-Шам* (ДФШ, «Фронт завоевания Леванта») [Матвеев, 2020, с. 253]. Вслед за этим 28 января 2017 года последовало переименование *Джабхат ан-нусра / Джабхат фатах аш-Шам* в *Хайат тахрир аш-Шам* (ХТШ, «Комитет освобождения Леванта», это название она носила и в момент захвата Дамаска в декабре 2024 года). В последнем переименовании можно разглядеть желание сменить имидж организации с боевого («фронт») на административный («комитет»), что являлось частью определенной стратегии на будущее, хотя это и не повлекло за собой каких-либо существенных метаморфоз. По сути, это была аналогичная организация, включавшая, помимо ДН, еще пять группировок: *Харакат Нур-ад-Дин аз-Зинги*, *Лива ал-хакк*, *Джейши ас-сунна*, *Джабхат ансар ад-дин* и *Джама'а фурсан ас-сунна* (первые три из них входили ранее в ДФ). Несколько позже к ХТШ присоединилась *Лива ат-тамкин*, а также вернулась ранее отколовшаяся от нее *Джунд ал-Акса*. В новой коалиции, в которую трансформировалась ХТШ, присутствовали не только сирийцы разных национальностей (в том числе, туркоманы, черкесы), но и иностранные наемники – кавказцы и узбеки из батальона *Ат-таухид ва ал-джихад*.

Формально эмиром всей ХТШ стал Хашим аш-Шейх (Абу Джабер), давний член АКИ, в свое время бывший командиром *Ахрар аш-Шам* и занимавший эту позицию около 8 месяцев⁸. Свое первое официальное обращение как руководитель обновленной ХТШ он сделал 9 февраля 2017 года. В нем, в частности, говорилось, что целью коалиции, насчитывавшей уже 30 тыс. бойцов, является прекращение столкновений с другими повстанческими движениями и сосредоточение на борьбе с сирийским режимом (вопрос об ИГ не поднимался) [Al-Tamimi, 2017]. При этом, хотя ал-Джулани как лидер ДН официально не возглавил новую коалицию, уступив место Абу Джаберу, фактически он управлял ею, заняв пост военного руководителя. Полноправным главой ХТШ он стал в октябре 2017 года.

В 2018–2019 годах ХТШ укреплялась в зоне Идлиба и имела контакты с турецкими военными и силами безопасности, несмотря на то что в сентябре 2018 года Анкара

⁷ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Хашим аш-Шейх, 1968 г.р., уроженец городка Мискина на востоке провинции Алеппо, имеет диплом инженера, сражался в рядах АКИ под руководством Абу Мусаб аз-Заркави. С 2003 по 2005 год осуществлял переброску бойцов из Сирии в Ирак. В 2005 году был арестован в Сирии, осужден на 8 лет тюрьмы, в 2011 году освобожден в рамках президентской амнистии. В своем родном городе создал антирежимное ополчение *Лива Мусаб бин Умайр*, которое вначале присоединилось к группировке *Фаджер аш-Шам*, а позже к *Ахрар аш-Шам*. С того времени Джабер аш-Шейх являлся членом Высшего собрания (*аш-Шура*), затем эмиром восточного сектора, а после убийства создателя *Ахрар аш-Шам*, Абу Халида ас-Сурий, бывшего члена АК, знавшего Усаму бин Ладена, стал амиром провинции Алеппо. Известен тем, что первым в конце 2013 года провел военную операцию против ИГ. Имел разногласия с религиозными авторитетами *Ахрар аш-Шам*, отказавшимися принять фетву о борьбе с ИГ. В 2014 году, после покушения, жертвой которого стали главнокомандующий *Ахрар аш-Шам* Хасан Аббуд и 45 членов руководящего состава, возглавил эту организацию. Был против избрания нового руководства группировки во главе с Лабибом ан-Нахасом, выступавшим за сближение с Западом. В декабре 2016 года Джабер аш-Шейх с группой единомышленников вышел из *Ахрар аш-Шам* и вступил в ДФШ.

официально объявила ее террористической организацией. Рост такого влияния был обусловлен также установлением ХТШ контроля над торговыми потоками, входящими и исходящими из провинции Идлиб, равно как транзитом в Турцию и обратно в Сирию, что позволяло на регулярной основе финансировать ее боевые подразделения [Матвеев, 2022, с. 229]. С февраля 2019 года ХТШ, взяв верх над «умеренными» исламистскими группировками, поддерживаемыми Анкарой, еще больше нарастила свои возможности, подчинив себе практически всю провинцию Идлиб.

ДЖИХАД С «СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ»?

Набрав силу, ДН стала примеряться на роль структуры, способной организовать ключевые сферы жизни сирийского общества на захваченных территориях в провинции Идлиб. При этом ал-Джулани уже претендовал не просто на лидерство одной из повстанческих группировок, но на статус главы зарождающегося сирийского государства на новой основе. Подобные претензии подразумевали гораздо большую ответственность и более многоплановые замыслы, далеко выходящие за рамки первоначальной концепции вооруженной борьбы с сирийским режимом. В развитие таких подходов ДН еще с весны 2013 года приступила к реализации наработок, которые давно использовали в подконтрольных районах основные структуры «Сопrotивления», такие как Хамас и Хизбалла. Главными задачами ДН в деле укрепления влияния среди населения в зонах ответственности уже назывались такие, как обеспечение нормальной хозяйственной жизни людей, видимая справедливость в распределении благ и политического участия [Матвеев, 2020, с. 253]. Насколько хватало сил и средств, ХТШ приступила к улучшению имиджа имевшихся механизмов управления и прояснению своей идеологии.

В восточных кварталах Алеппо был создан некий «Департамент религии», который раздавал местным жителям гуманитарную помощь, проводил проповеди и распространял идеологию организации. Постепенно ДН/ХТШ взяла под контроль пекарни, стала выдавать газовые баллоны, продавать печи и обогреватели. Тогда же возник и «Департамент продовольствия» с целью обеспечить равномерное распределение продуктов питания и исключить спекуляцию, чем группировка быстро завоевала симпатии населения. В то же время она учредила в Алеппо первый «экспериментальный» орган самоуправления «Шариатский комитет» (*Хайат аш-шар'а*), как своего рода удачный тест на готовность людей воспринимать ДН не только в качестве силового блока, но и как структуры, которой можно доверить административный функционал. Чуть позже подобная модель прошла апробацию в том числе на востоке провинции Дейр-эз-Зор, где во взаимодействии с племенами *шайтат* и *укайдат* были открыты аналогичные органы местного самоуправления.

В дальнейшем, после череды проб и ошибок, альянсов и внутренних противоборств, именно эта линия получила дополнительное усиление, в результате чего ДН удалось сформировать своего рода правительство в изгнании: Сирийское правительство спасения (*Хукумат ал-инказ ас-сурийя*) [Матвеев, 2022, с. 223]. При этом, судя по всему, использовалась национально-психологическая подоплека: население САР как бы получало гарантии намерений ДН, во-первых, в предоставлении прав на участие в управлении, а во-вторых, в ограждении от притязаний чужаков, пусть даже единоверцев. Халифатизму ИГИЛ или универсальному исламизму АК противопоставлялся чисто сирийский проект: через «джихад меча» прийти к созданию суннитского государства (эмирата) с высоким пафосом социальной справедливости, присущей «изначальному» исламу, и в соответствии с наследием благочестивых предков (*ас-салаф ас-салих*).

Однако на этом пути ДН столкнулась с конкуренцией АК, которая как зонтичная региональная организация пыталась вернуть сирийский район в зону своего контроля. Ветераны АК в Сирии, подвергавшиеся давлению со стороны ДН, прибегли к ребрендингу, создав в качестве нового отделения АК в САР группировку *Хуррас ад-дин* (ХД). Различия между ДН и ХД заключались в подходах к ведению «священной войны», а также целям и очертаниям будущего исламского государства. Одновременно проявились серьезные расхождения по различным внешнеполитическим вопросам, в частности, в отношении Турции. Но на деле это представляет собой не что иное, как противостояние джихадов.

ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОБОРСТВО ДЖИХАДИСТСКИХ ГРУПП

О создании ХД впервые публично было объявлено в феврале 2018 года. В октябре она сформировала оперативный центр под поэтическим кораническим названием *Ва харид ал-му'минин* («И побуждай верующих») совместно с двумя меньшими джихадистскими структурами: ячейкой, отколовшейся от ХТШ, и группой иракского происхождения *Джама'ат ансар ал-ислам*. Однако районы, в которых действовала ХД, контролировала ХТШ, и между ними до поры до времени имела место взаимная терпимость. При этом не исключено, что ХТШ оказывала логистическую и инфраструктурную поддержку некоторым передовым позициям, удерживаемым ХД.

К осени 2019 года ХТШ все еще надеялась на сохранение ХД в заданных рамках. Однако вскоре отношения накалились. Известно, что 12 июня 2020 года ХД открыла новый оперативный центр под названием *Фа-субту* («Так будьте стойкими»), в который также вошли *Тансикийат ал-джихад* и *Лива ал-мукатилиин ал-ансар*, причем лидеры последних, Абу ал-Абд Ашид и Абу ал-Малик ат-Телли, как сообщалось, повздорили с ХТШ по ряду принципиальных вопросов [Zelin, 2022, p. 19]. Кроме того, к отколовшейся от ХТШ *Джабхат ансар ад-дин* примкнула влиятельная *Катибат ат-таухид ва-л-джихад*⁹ (этнические узбеки), возглавляемая Абу Салахом ал-Узбеки.

Налицо было усиление в САР альтернативного джихадистского альянса под эгидой АК, который пытался перетягивать на себя ресурсы сирийских исламских радикалов. Не желавшая мириться с этим ХТШ, 22 июня 2020 года арестовала ал-Узбеки и ат-Телли. В ответ на подобную акцию оперативный центр *Фа-субту* пригрозил ХТШ религиозным судом. В свою очередь ХТШ провела задним числом решение своего «Высшего комитета по наблюдению и контролю» о том, что отдельным лицам необходимо одобрение на выход из данной организации, либо присоединение к другим структурам [Zelin, 2022, p. 20].

Еще ранее ХТШ нейтрализовала соперничавшие с ней группировки, в частности, *Ахрар аш-Шам*, признавшей в конечном итоге власть ХТШ на северо-западе Сирии, и *Харакат Нур-ад-Дин аз-Занги*, которая повторно откололась от ХТШ и сохраняла за собой сельские районы к западу от Алеппо, но затем была расформирована силами последней. Конфликт с *Фа-субту*, а по сути, с АК, привел к победе в сирийских районах ХТШ, которая вскоре объявила запрет на создание любых новых формирований или военных оперативных центров. Было заявлено, что проводимые джихадистами боевые операции могут осуществляться исключительно через собственный оперативный центр ХТШ *Ал-фатх ал-мубин* («Чистое завоевание»). Все структуры ХД, включая оперативный центр *Фа-субту*, были распущены [Zelin, 2022, p. 21], однако часть отрядов все же продолжала свои вылазки, но лишь далеко за пределами Идлиба и его окрестностей. Только признав верховенство ХТШ, упомянутая выше *Джама'ат ансар ал-ислам* получила право сражаться на передовой в координации с ХТШ.

⁹ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

ДРУГАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ДЖИХАДА

В отличие от своей материнской структуры, АК, ал-Джулани стал заявлять о локальном сирийском, а не глобальном джихаде ДН, еще больше дистанцируясь от риторики ИГ, которая насаждала представление о мировом джихаде через свои медиаресурсы: журналы *Dabiq* (см. например: [Баконина, 2021]), *Inspire*, медиаагентство «Ал-Фуркан» и др. Исходя из ситуации «на земле» и близко ознакомившись с настроениями разных слоев населения во многих районах Сирии, ал-Джулани выбрал «национальный» джихад, то есть борьбу под религиозными лозунгами, но сочетая ее с чаяниями большинства местного населения. Такая концепция похода за власть была одобрена и утверждена. В этой связи ХТШ сконцентрировалось на том, чтобы силой заставить разрозненные группы в САР, равно как и аффилированные с ИГ или АК, подчиниться такому формату «национальной» трансляции джихада [*Foreign Fighters*, 2022]. В своем противостоянии АК и ИГ ал-Джулани подспудно опирался на политическую оппозицию (т.н. Сирийский национальный совет, СНС), с одной стороны, и на местную сеть БМ, с другой. Важно, что после внесения ДН в список террористических групп Соединенными Штатами и объявления в 2013 году ал-Джулани в международный розыск СНС и БМ однозначно высказались об ошибочности принятия таких решений американцами. Вообще политическая составляющая стала немаловажной в тактике ХТШ. Путь торга со спонсорами и переговоров с политиками за пределами Сирии оставался ключевым для этой структуры, особенно после захвата власти в стране. Однако на тот момент главным пунктом повестки был силовой.

ХТШ продолжила ставить под свой контроль небольшие группы, особенно стремясь расформировать и дезорганизовать отряды с преимущественно иностранным участием. Так, 25 октября 2021 года ХТШ провела боевую операцию против *Джундалла* в Джебель Туркман к северу от Латакии. В этой группировке (до полутора сотен боевиков) большинство составляли азербайджанцы, но в нее входили также турки и отчасти сирийцы. Они обвинялись в разных преступлениях, в том числе разбое, убийствах гражданских лиц, вынесении *такфира* и предоставлении убежища осужденным. На протяжении суток ХТШ пыталась склонить боевиков *Джундалла* подчиниться, а после неудачи начала атаку. Потерпев поражение, *Джундалла* была распущена и прекратила существование как отдельная группировка, собравшая под свое крыло иностранных наемников («мухаджиров», в терминологии самих джихадистов) вполне определенных национальностей.

Подобным образом оказалась нейтрализована и более мелкая (около 70 стволов) группировка *Джунуд аш-Шам* под командованием чеченца, известного как Муслим аш-Шишани, действовавшая в горной местности в районе сирийской границы, примыкающей к турецкой области Хатай. Узнав о ее криминальном характере, в частности об уголовных преступлениях в окрестностях населенных пунктов Тел-‘Аде и Кафр-Тахарим (к западу от Алеппо), исламисты обвиняли эту группу выходцев с Северного Кавказа в злодеяниях и приняли ряд жестких мер. В результате альянс Муслима аш-Шишани с группировкой *Джундалла* против ХТШ, был ликвидирован, а его отряд распался и покинул подконтрольный ХТШ район Идлиба [Семенов, 2021].

Под влиянием вышеуказанных событий другие джихадисты-«мухаджiry» были вынуждены сделать заявление под названием «Слово верности и совет», где осуждались слишком самостоятельные действия *Джунуд аш-Шам* и *Джундалла*. Характерно, что документ подписали большинство командиров таких групп с иностранным участием, а также ряд видных командиров-«мухаджиров» [*Foreign Fighters*, 2022]. Данное обстоятельство позволило в очередной раз продемонстрировать населению успехи ХТШ в консолидации сил национальных сирийских исламистов и правильность курса на исключение из авангарда борьбы

с режимом Башара Асада всех иностранных элементов. Около двух сотен заключенных исламистов-несирийцев в тюрьме ХТШ в Идлибе служили еще одним подтверждением такой линии.

Важно также обратить внимание на то, что именно ХТШ пыталось узурпировать понятие «революция» в охваченной многосторонним конфликтом Сирии. Идеологи группировки верно рассчитали, что пафос «народной революции», вполне может быть на руку антирежимным силам даже спустя десятилетие после «арабской весны», тем более что в соседних Ливане и Ираке осенью 2019 года начались волнения, названные тоже революцией (*al-sayra*). В Ливане протестное движение было необычайно широким, приводило к регулярным коллапсам почти всей транспортной инфраструктуры и длилось в волнообразном темпе более года, даже несмотря на пандемию¹⁰. Тогда о революции заговорили многие лидеры джихадистов, но наиболее отчетливо она звучала в речах ал-Джулани. Расчет на то, что в народе имел место отчетливый запрос на революционные преобразования в стране оказался верным. Сирийцы ждали перемен, и джихадисты смогли предложить им те цели, которые были наиболее желанны в тот момент. Для этого коррекции подверглись все составляющие стратегии:

- чисто исламистская джихадистская идеология ХТШ была избавлена от крайности *такфира*, обвинения в отступлении от единобожия;
- изначальный халифатизм в масштабе субрегиона (или даже всей *уммы*) был смягчен до создания шариатского эмирата на территории Сирии;
- иностранный элемент в рядах исламистов был уведен в тень, поставлен под контроль, а наиболее несговорчивые из них усмирены, тогда как сама ХТШ предстала в глазах сирийцев национальной силой освобождения от режима;
- вместо перспектив жестких шариатских законов и социальных ограничений религиозного плана предлагался пафос народной революции и свободы;
- другие силы исламистов (ИГ, АК и проч.) противопоставлялись ХТШ как чуждые сирийцам по своим устремлениям и методам. В таком контексте и на этом контрасте пропагандистский успех ХТШ был очевиден.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, джихадистская стратегия содержит в себе не только разные пути к общей цели, но и множественные оттенки в представлениях о конечном результате. Главное отличие сводится к соотношению глобального и регионального в тех путях и тех результатах, которые определяли для себя исламисты в Сирии. Идеологи террористических БМ, АК и ИГ по-своему трактуют их, но все же остаются в большей степени в рамках более широкого в географическом плане джихада, нежели ХТШ. Этническая ориентация этой коалиции ставит ее особняком, поднимая вопрос о месте в ней сирийского или даже арабского национализма, на что обратил внимание академик В.В. Наумкин в ходе дискуссии в клубе «Валдай» 16 декабря 2024 года. На взгляд этого маститого востоковеда, тема светского национализма в Сирии еще далеко не проработана, и важно понять, в какую сторону может трансформироваться исламистская составляющая новой власти под руководством ал-Джулани, псевдоним которого «скорее подходил бы не для радикала, а для арабского светского националиста, потому что Голанские высоты – цель для сирийского национализма, возвращение Голан» [Наумкин, 2024].

¹⁰ В книге талантливого ливанского исследователя Хикмата Амаля Абу Зейда «Институциональная революция в Ливане» (ИВ РАН, 2022) есть целый раздел, посвященный тем событиям и названный «Октябрьская революция: восстание, возродившее утраченное гражданское самосознание» [Абу Зейд, 2022, с. 123–134].

Следующим важным пунктом является проблема международной легитимации пришедших к власти сил. Еще в 2022 году американские эксперты рассматривали варианты исключения ХТШ и связанных с ней фигур из списков террористов Госдепартамента (Foreign Terrorist Organizations, FTO) и Казначейства (Specially Designated Global Terrorists, SDGT). При этом, однако, было понимание, что даже в случае положительного решения Белому дому все равно чисто юридически придется ориентироваться на список ООН, аннулировать который без России, являющейся членом Совета Безопасности этой организации, будет невозможно [Zelin, 2022].

Здесь важно подчеркнуть, что Москва и сейчас продолжает занимать принципиальную позицию по данной проблеме в отличие от западноевропейских столиц, демонстрирующих готовность изменить свое мнение и вывести ХТШ из списков запрещенных субъектов. Об этом говорит, в частности, спешный визит в Дамаск в начале января 2025 года министров иностранных дел Франции и Германии Жана-Ноэля Барро и Аннелены Бербок. Характерно, что А. Бербок напомнила об оказанной поддержке новым властям Сирии, которые, по ее словам, «верят в свободу и справедливость», и сообщила: «Мы хотим продолжать идти по этому пути, ... даже если знаем, что это будет тернистый путь. ... Мы знаем, откуда идейно взялась ХТШ, что она делала в прошлом, но мы также слышим и видим стремление к умеренности и пониманию». В подобном же духе высказалась и глава МИД ЕС Кая Каллас [Frensch and German, 2025]. Примечательно, что на указанный визит никак не повлиял теракт, совершенный на рождественской ярмарке в Магдебурге выходцем с Ближнего Востока: никто не связал его с глобальным джихадом, хотя преступник признавался в стремлении «отомстить немецкому народу» [Трагедия в Магдебурге, 2024]. Совокупность подобных сюжетов, к сожалению, позволяет говорить о том, что тот образ, «умеренного джихадизма», который удалось создать террористической ХТШ, стал приемлемым для Запада, поскольку речь шла просто о противнике режиму Башара Асада. Досадно констатировать, что пропагандистские уловки ХТШ, противопоставлявшие свою стратегию *такфиризму* и *халифатизму* ИГ и АК, оказались успешным и были восприняты европейской дипломатией. При таком раскладе легитимация Западом исламистов, захвативших власть в Сирии, – вопрос ближайшего времени.

В сложившейся ситуации теперь уже самим сирийцам предстоит вникать в тонкости различий джихада победившей коалиции ХТШ и других крупных исламистских сил. Совершенно определенная ориентация идеологии ХТШ на суннизм и неприятие иных мусульманских течений ставит под угрозу традиционные общины Сирии, прежде всего алавитскую, друзскую и др. Подтверждением такому выводу служат многочисленные вопиющие факты антиалавитских акций со стороны боевиков ХТШ. Установив контроль над Дамаском, отряды этой коалиции начали захватывать районы традиционного проживания представителей данной конфессии, в частности Алавитских гор, чиня беспредел – убийства, расправы, грабежи и т.п. [Число жертв, 2025]. Осквернения стали подвергаться нусайритско/алавитские религиозные святыни – сожжена мечеть их духовного и особо почитаемого авторитета Абу Абдаллы ал-Хусейна бин Хамдана ал-Хасиб в Алеппо. Однако несмотря на бесчинства ХТШ и массовые демонстрации протеста, алавиты не оказывали сопротивления отрядам ХТШ, вошедшим в их населенные пункты, в том числе родовое гнездо Асадов Кардаху, видимо, опасаясь жестких репрессий.

В сложившейся обстановке сирийских алавитов поддержали фактически только их единоверцы, компактно проживающие в ливанском Триполи (квартал Джебель-Мохсен). При этом от лица своего Исламского совета они с достоинством, но вполне в примирительном тоне призвали «новую власть Сирии проявить ответственность и не допустить посягательств на святыни, достоинство, жизнь и имущество этой конфессии» [The Alawite

Islamic Council, 2024]. Уже в начале января 2025 года был распространен текст заявления и самих сирийских алавитов, в общих чертах составленный в таком же духе. Поступающая из САР информация, к сожалению, свидетельствует о том, что подобные демарши остались без внимания, а новая джихадистская администрация и дальше будет их игнорировать и при необходимости пресекать, используя жесткие силовые методы.

В контексте происходящего известное беспокойство о судьбе своих единоверцев в Сирии проявляют и ливанские друзья (*ал-муваххидун*). В целях их защиты Дамаск в экстренном порядке посетил лидер ливанской ПСП Валид Джумблат, добившись от руководства ХТШ обещаний проявления лояльности в отношении сирийских друзей. На этот счет последовало обнадеживающее заявление духовного лидера ливанских друзей (*шейх-ал-'акл*), оценившего результаты переговоров Валида-бея Джумבלата в Сирии как «весьма положительные и вполне отвечающие интересам двух стран, а также его единобожной общины» [Abu al-Mina, 2025].

Что касается других вероисповедных групп Сирии, то они надеются на толерантную политику новой администрации в духовной сфере, несмотря на очевидные грубые проявления религиозной нетерпимости со стороны ХТШ. Пока заметен лишь расчет на тактическую сдержанность т.н. победителей, поддерживаемый продолжением умиротворительной пропаганды исламистов. Так, с целью расширения базы поддержки и предотвращения нежелательного противостояния ал-Джулани встретился 31 декабря 2024 года с сирийскими христианами и заверил их в своем сбалансированном подходе к религиозной политике.

Тем не менее остается много вопросов о будущем государственного устройства и внутривластных векторов новых властей. Прежде всего предстоит урегулировать отношения с вооруженными группами, действующими в Сирии – как исламистскими, так и иными, в особенности курдскими. Очевидно, что риторика и политическая тактика исламистов будет претерпевать изменения, отходя по необходимости от чрезмерного ригоризма. Но религиозную составляющую их борьбы за власть придется поддерживать – как основной пункт идентичности, как ключевой момент популярности среди суннитского населения и как аргумент для других экстремистских групп, продолжающих вести свой джихад. Какие формы он примет в ближайшем будущем – покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ахмедов В.М. *Сирийское восстание: история, политика, идеология*. М.: ИВ РАН, 2018 [Ahmedov V. *Syrian Uprising: History, Politics, Ideology*. Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].

Абу Зейд Хикмат А. *Институциональная революция в Ливане*. М.: ИВ РАН, 2022 [Abou Zeid Hikmat A. *The Institutional Revolution in Lebanon*. Moscow: IOS RAS, 2022 (in Russian)].

Баконина М.С. Глянцевая пропаганда джихадистов, адресованная женской аудитории (по материалам журнала Dabiq). *Религия и общество на Востоке*. 2021. Вып. 5. С. 85–119 [Bakonina M.S. Glossy Jihadist Propaganda Targeting Female Audiences (based on the materials of the “Dabiq” magazine). *Religion and Society in the East*. 2021. Issue 5. Pp. 85–119 (in Russian)].

Васильев А.М. Сирийская трагедия. Рождение чудовищ. *Азия и Африка сегодня*. 2017(1). № 5. С. 2–10 [Vasiliev A.M. Syrian Tragedy. The Birth of Monsters. *Asia and Africa today*. 2017(1). No. 5. Pp. 2–10 (in Russian)].

Васильев А.М. Сирийская трагедия. Рождение чудовищ. *Азия и Африка сегодня*. 2017(2). № 6. С. 2–10 [Vasiliev A.M. Syrian Tragedy. The Birth of Monsters. *Asia and Africa today*. 2017(2). No. 6. Pp. 2–10 (in Russian)].

Гасымов К. Разлад в стане джихадистов: идеологическая борьба Аль-Каиды с организацией Исламское государство. *Индекс Безопасности*. 2015. № 3 (114). С. 61–82 [Gasimov K. Discord in the

Camp of Jihadists: The Ideological Struggle of al-Qaeda with the Islamic State. *Security Index*. 2015. No. 3 (114). Pp. 61–82 (in Russian)].

Егоров О.А., Мамедов Р.Ш., Нармания Д.Д. Экстремистские организации в Сирии. *ПСМД*. 15.11.2016 [Egorov O., Mamedov R., Narmania D. Anti-Government Extremist Organizations in Syria. *RIAC*. 15.11.2016 (in Russian)] <https://russiancouncil.ru/syria-extremism> (дата обращения: 21.02.2025).

Крылов А.В. Политический портрет сирийской оппозиции. *Аналитические доклады ИМИ*. 2016. Вып. 2 (46). М.: МГИМО-Университет, 2016 [Krylov A.V. Political Portrait of the Syrian Opposition. *IMI Analytical Papers*. Issue 2 (46). Moscow: MGIMO University, 2016 (in Russian)].

Крылов А.В. «Джабхат ан-Нусра» – террористическая организация и участник сирийского конфликта. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 4. С. 655–668 [Krylov A.V. “Jabhat al-Nusra” – Terrorist Organization and Participant of Syrian Conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2017. Issue 17. No. 4. Pp. 655–668 (in Russian)].

Кузнецов В.А. *Проблемы политического развития Арабского мира в 2010–2020-е годы*: дисс. докт. полит. наук. М.: МГИМО, 2024 [Kuznetsov V.A. *Problems of Political Development of the Arab World in the 2010–2020s*. DSc Thesis. Moscow: MGIMO University, 2024 (in Russian)].

Матвеев И.А. *Сирия в конфликте*. М.: ИВ РАН, 2020 [Matveev I.A. *Syria in Conflict*. Moscow: IOS RAS, 2020 (in Russian)].

Матвеев И.А. *Политэкономия Сирии в конфликте: в 2 т.* Том 2. М.: ИВ РАН, 2022 [Matveev I.A. *Political Economy of Syria in Conflict: In 2 vols*. Vol. 2. Moscow: IOS RAS, 2022 (in Russian)].

МИД РФ: базирующаяся в Стамбуле НКОРС теряет свой авторитет и влияние. *РИА Новости*. 14.10.2015 [Russian Foreign Ministry: Istanbul-based SNC is losing its authority and influence. *RIA Novosti*. 14.10.2015 (in Russian)] <https://ria.ru/20151014/1301581933.html?ysclid=m6g6g5aefj880525469> (дата обращения: 20.02.2025).

Наумкин В.В. *Выступление на дискуссии «Сирия: истоки кризиса и дальнейшие перспективы» в клубе «Валдай»*. 16.12.2024 [Naumkin V.V. *Speech at the panel discussion “Syria: Origins of the Crisis and Future Prospects” in the Valdai Club*. 16.12.2024 (in Russian)] <https://rutube.ru/video/a102d24661f-4b706040515788ac580a4/?ysclid=m5ujxbxgqa111572940> (дата обращения: 20.02.2025).

Саутов В.Н. Исламистская «Волна турбулентности» в Сирии: к сердцевине проблемы. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 149–162 [Sautov V.N. 2019. Islamist “Wave of Turbulens” in Syria: to the Core of the Problem. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 149–162 (in Russian)].

Семенов К. Террористы из «Хайят Тахрир аш-Шам» зачищают Идлиб от кавказских боевиков. *News.ru*. 21.07.2021 [Semenov K. Terrorists from Hayat Tahrir al-Sham are cleaning Idlib from Caucasian militants. *News.ru*. 21.07.2021 (in Russian)] <https://news.ru/world/terroristy-hayat-tahrir-al-sham-zachishayut-idlib-ot-kavkazskih-boevikov/> (дата обращения: 20.02.2025).

Степанова Е.А. *ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке*. М.: ИМЭМО РАН, 2020 [Stepanova E. *ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq*. Moscow: IMEMO RAS, 2020 (in Russian)].

Трагедия в Магдебурге может потопить многих немецких политиков. *Российская газета*. 22.12.2024 [The tragic attack in Magdeburg may sink many German politicians. *Rossiyskaya gazeta*. 22.12.2024 (in Russian)] <https://rg.ru/2024/12/22/rozhdestvo-iarmarka-terakt.html?ysclid=m5tnmc3vv770879317> (дата обращения: 20.02.2025).

Число жертв столкновений в Сирии превысило 1 тыс. человек. *РБК*. 09.03.2025 [The number of armed clash victims in Syria has exceeded 1 thousand people. *RBC*. 09.03.2025 (in Russian)] <https://www.rbc.ru/politics/09/03/2025/67cdd9b69a7947fca346bbf0> (дата обращения: 10.03.2025).

Abu Al-Minaa: Na’amal bi Intalaqa Jadida lil’ahd li Bina’ Al-Watan wa Hukuma Qadira ala Tahqiq Al-’Ahdaf Al-Manshuda [Abu al-Mina: We hope for a new start to build the nation and a government capable of achieving the desired goals (in Arabic)]. *Elnashra*. 12.01.2025.

